

Послушание или самоопределение?

Obedience or Self-Determination?

KSENIA KUZMINYKH, *Georg-August University of Göttingen*
kkuzmin@gwdg.de

Received: July, 29 2019.

Accepted: October, 25 2019.

АННОТАЦИЯ

В статье представлено сравнительное исследование отношений между отцами и сыновьями за последние три столетия. В центре внимания находятся шедевры мировой литературы «Робинзон Крузо» Д. Дефо, И. Кампе и И. Вецеля, «Отцы и Дети» И. Тургенева, «Зеленый Генрих» Г. Келлера, «Ханс и Хайнц Кирх» Т. Шторма. Конфликт генеалогической пары «отцы и дети» рассматривается на фоне исторического, теологического, дидактического и психологического дискурса с целью выявления общих закономерностей семейных отношений, сходства и индивидуального своеобразия тематики. Научная новизна заключается в анализе пары «отец и сын» как ключевой компонент ролевой структуры произведений. Раскрывается сюжетообразующая функция этого дуэта и обосновывается мысль о том, что основной причиной конфликтов является не только разница в мировоззренческих позициях героев – представителей разных поколений и культурно-исторических эпох, но и нарушенные семейные связи и отношения. Типичным в мировой литературе для обозначенной тематики можно считать разногласия между амбициозным, с большими ожиданиями надеждами, отцом, и упрямым сыном, настаивающим на праве на самореализацию и самоопределения. От генетического и социального детерминизма он спасается бегством из дома, но из-за отсутствия собственных средств он не может себя обеспечить. На самом деле сын не может достичь ни самореализации, ни самотрансценденции. Некоторые произведения, например библейская «Притча о блудном сыне», «Робинзон Крузо» Д. Дефо, И. Кампе и И. Вецеля, раскрывают траекторию возврата к прежней жизни, другие, «Отцы и Дети» И. Тургенева, «Зелёный Генрих» Г. Келлера, «Ханс и Хайнц Кирх» Т. Шторма, исключают такую возможность. Их герои, причём как отцы, так и дети, трагически погибают. Исследование даёт целостное, систематическое описание ролевого поведения пары «отец-сын» в мировой литературе, где они являются ключевыми фигурами. Анализируются эффективные и деструктивные ролевые модели семейных отношений, а также социальной и семейной иерархии. Особый интерес в данной связи представляет проблема самоопределения.

Ключевые слова: отцы, сыновья, конфликт поколений, самоопределение, самоактуализация.

ABSTRACT

This article presents a comparative study of relations between fathers and sons, from the past three hundred years, focusing on D. Defoe's, Campe's and Wezel's *Robinson Crusoe*, I. Turgenev's *Fathers and Sons*, G. Keller's *Green Henry* and T. Storm's *Hans and Heinz Kirch* and considers the similarity and individual originality of the subject in order to identify the general patterns of family relations. Further it analyses historical, theological, didactical and psychological context that inspired some of these works. Scientific novelty lies in the analysis of the father and son relation as a key component of the role structure of the works. The plot-forming function of this duet is revealed. The article substantiates the idea that the main cause of conflicts is not only the difference in the ideological positions of the characters from different generations and cultural epochs, but also broken family ties and relationships. The theme of conflicts between *old* and *young* generation in the world literature demonstrates an enduring fascination with this archetypal scene: an experienced father with high ambitions, great expectations and hopes confronting his rebellious son, who insists on self-actualization and self-determination. Genetic and social determinism force the son to run away, but in the absence of own resources he is unable to sustain himself. In fact, he can reach neither self-actualization nor self-transcendence. Some texts reveal a trajectory of returning to the previous order, f. e. *The Parable of the Prodigal Son* and D. Defoe's, Campe's and Wezel's *Robinson Crusoe*. In contrast, some texts, e.g. I. Turgenev's *Fathers and Sons*, G. Keller's *Green Henry*, T. Storm's *Hans and Heinz Kirch*, instead don't embrace such possibility. Their heroes die.

The study provides a holistic, systematic characterization of the role-playing behavior of the father-son pair in the

world literature, in which father and son are key figures. It analyses effective and destructive role models of family relations, as well as social and family hierarchy. Collisions that affect the problem of self-realization as a disposition for personal freedom, obedience and the change of paradigm receive special accentuation.

Keywords: fathers, sons, generational conflict, self-actualization, self-determination.

1. Введение

Л.Н. Толстой дифференцирует в первом предложении романа *Анна Каренина* различные виды семейных отношений: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» (Tolstoi, 1938: 7) С этим философским отступлением сложно не согласиться, но тем не менее следует обратить внимание на особую сторону межличностных психологических конфликтов генеалогической пары «отцы и дети», на амбиции старшего поколения, на горькое разочарование, переходящие в отчаяние, если большие надежды не могут быть оправданы детьми, а также и на стремления растущих к самоопределению.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы дать целостно-системное описание ролевого поведения персонажной пары «отец - сын» в произведениях мировой литературы *Робинзон Крузо* Д. Дефо, *Ханс и Хайнц Курх* Т. Шторма, *Отцы и дети* И. Тургенева и *Зелёный Генрих* Г. Келлера, в которых отец и сын являются ключевыми фигурами, а также в том, чтобы охарактеризовать эффективные и деструктивные ролевые модели семейных отношений, а также общественную и семейную иерархию. Особое внимание уделено разногласиям, затрагивающим проблемы самореализации: гарантий и условий личной свободы и блага общества, саморазвития, самосовершенствования, раскрытия индивидуальных способностей и талантов, самоутверждения, личной свободы и права сыновей на абсолютную автономность и индивидуализацию.

Достижение поставленной цели предполагает определение основных сюжетных конфликтных ситуаций, в которые попадают отец и сын, описание ключевых мотивов, связанных с генеалогической парой «отцы и дети» и анализ стратегий поведения героев произведений мировой литературы.

Научная новизна работы заключается в анализе пары «отец - сын» как ключевого компонента ролевой структуры произведений. Раскрывается сюжетобразующая функция этого дуэта и обосновывается мысль о том, что основной причиной конфликтов является не только разница в мировоззренческих позициях героев – представителей разных поколений и культурно-исторических эпох, но и нарушенные семейные связи и отношения. Помимо этого, акцент при анализе делается на общественный и исторический дискурс. Традиционно в контексте темы взаимоотношений представителей разных поколений, старого и нового, и особенно в конфликте отцов и детей видят преимущественно столкновение двух враждебных друг другу общественных начал, противоположных мировоззренческих позиций. При этом «мысли семейной», как правило, отводится второстепенная роль. Между тем, как представляется, именно обращение к, казалось бы, частным вопросам по-

зволяет выяснить глубинные причины конфликта, вскрыть его источник. В качестве рабочей гипотезы исследования выдвигается тезис о том, что конфликт в выбранных произведениях имеет не только общественную, но и психологическую основу.

Специфика эпического жанра предполагает раскрытие обозначенных конфликтов и тем главным образом через поступки героев, в которых личность в большей мере раскрывает себя, исходя из своих потенциальных возможностей и реакции окружения на совершенное. Поэтому в качестве основных были выбраны методы герменевтического, психологического, а также сравнительного анализа.

2. Взаимоотношения представителей разных поколений и социальный дискурс

Канонической в контексте межличностных взаимоотношений представителей разных поколений является *Притча о блудном сыне* (Евангелие от Луки 15. 11-32). В ней отец не противоречит желанию и стремлению сына к независимости: он, наоборот, поддерживает его в стремлении к самореализации, заблаговременно обеспечивая наследством. Счастливый отец принимает возвратившегося, раскаивающегося и разочарованного падшего сына-странника, промотавшего всё, и отцовский дом, и райский сад. В определении главного конфликта в *Притче о блудном сыне* большинство исследователей следуют теологической традиции, сводящейся к аллегорическому рассмотрению ухода из родительского дома как удалению от Бога, т. е. символический образ отца – это воплощение высшего авторитета (бог-отец). Последствия данного поступка – это моральный упадок и грехопадение. Возвращение назад – это результат глубокого раскаяния. Критическому взгляду подвергается желание сына к самореализации и к самоутверждению. С религиозно-моральной перспективы многоуровневое развитие человека – самоопределение – не является необходимостью и должно быть подавлено. В психологическом аспекте стремление к саморазвитию, т. е. к самосовершенствованию, самоактуализации, представляет огромную ценность само по себе, т. к. является показателем личностной зрелости и одновременно условием её достижения (Maslow, 1971).

В период преобразования общественных, социально-психологических процессов и стремительной секуляризации в XVIII и XIX веке возникает необходимость переосмысления всей системы ценностей. Жизненный опыт, многообразные и глубокие знания о различных аспектах социальной и природной действительности и внутренняя затронутость личности этими фактами, ее живой отклик на важные явления социальной жизни, понимание отношений людей, их внутреннего мира, полученные во время странствий, и достижение индивидуальных целей, становятся приоритетными. Более того, являются неотъемлемой составляющей развития и становления личности, социальной и психологической зрелости. Возвращение не рассматривается исключительно как покорность судьбе, потеря юношеских иллюзий и горькое раскаяние, а переоценивается положительно. Приобретенные знания и навыки способствуют общественному и культурному прогрессу, связь с фундаментальными реалиями бытия возобновляется и усиливается. Особое значение получают, помимо этого, экономические аспекты (Sterne, 1763; Voltaire, 1738).

В странствие своего героя-бунтаря отправит и Д. Дефо в произведении *Робинзон Крузо* (первое издание Defoe, 1719), художественно реализуя потребности юного Робинзона к самоопределению. Начало самореализации личности английский писатель видит, в первую очередь, в способности человека выбрать собственный путь, исходящий из его предназначения. Чувство предназначенности существует у каждого индивидуума и обуславливает его – это иррациональный фактор, который помогает человеку выделиться из массы. Но не каждому дано осознать свое предназначение. Робинзон слышит свой внутренний голос – страсть к приключениям, желание увидеть мир, неутомимую тягу к путешествиям, которая зародилась у него в раннем детстве (Defoe, 2001: 7) и которая становится его движущей силой на протяжении всей его жизни, несмотря на тяжёлые и изнурительные испытания. Даже в преклонном возрасте, после смерти супруги, он отправляется в странствие. Робинзон непоколебим в своём решении увидеть мир (Defoe, 2001: 14-15, 19).

Всемирный резонанс *Робинзон Крузо* получил как приключенческий и воспитательный роман. Структура произведения характерна для романа воспитания: детство и школьное образование в домашних условиях, юность и экономическое образования, конфликт с отцом и уход из родительского дома, морские странствия, кораблекрушение, жизнь на необитаемом острове, строительная, инженерная, портняжная и аграрная деятельность, устройство социальной иерархии, привлечение жителей острова – Пятницы и его отца – к христианству (Дефо, 2001: 166, 174) и к английским нормам и правилам поведения (ношение одежды) и ценностей, чудесное спасение и возвращение назад, в старый мир.

Поскольку Робинзон изолирован от человеческого общества и интеллектуальных достижений, ему приходится воссоздавать цивилизацию, в чем он преуспевает. Он прекрасный земледelec и животновод – спустя два года обитания на острове у него уже 45 коз, дающих молоко, сыр, масло и обеспечивающих его мясом (Дефо, 2001: 117). Помимо этого, происходит метаморфоза юноши в монарха, пастуха, охотника, укротителя диких животных, рыбака, пекаря, повара, архитектора, лекаря, производителя керамических изделий, кораблестроителя, военного стратега, астролога, проповедника, учителя, писателя-хроника, т. е. в социально и психологически зрелую личность.

Робинзон стремится к целостности, к полноте, к самореализации и к самоопределению. Он отказывается следовать воле отца, более того, он покидает родительский дом без разрешения и благословения (Defoe, 2001: 19). Ни просьбы, ни предупреждение, ни угрозы старшего поколения, аллегория на теологический контекст, не оказывают ожидаемого результата. Лишь в моменты отчаяния закрадываются сомнения в правильности принятого решения, в правильности определения своего предназначения в жизни. Переживание трагического факта собственного одиночества и неполноты своего существования заставляют юношу обратиться к Отцу Небесному с мольбой и обещаниями вернуться в родные пенаты (Defoe, 2001: 9). Робинзон полностью осознает свою вину. Он укоряет себя, стыдится и изначально рассматривает свою изоляцию на необитаемом острове как божью кару. Страсть увидеть мир он трактует как первородный грех (Defoe, 2001: 154). В результате тяжёлого заболевания наступает катарсис. Робинзон раскаивается, подчиняется

воле Всевышнего и преодолевает демоническое беспокойство, скуку, внутренние противоречия и внутреннюю раздвоенность. Пребывание на необитаемом острове – теперь для него часть Божьего плана, именно провидение привело его на остров, именно оно ответственно за все испытания, выпавшие на его долю, и за преуспевание в трудностях. Это божья благодать, а остров – это райский сад.

Скука считалась эпидемией в XVIII веке. В литературе этот феномен широко распространён. Одним из проявлений демонической одержимости является «*exregimentum medietatis*» (Rehm, 1947). В результате процесса секуляризации человек становится центром вселенной, что ведёт к перенасыщению, и в результате к скуке, тоске, меланхолии, сплину и к внутриличностным конфликтам, о чем упоминает Августин в своём трактате *О троице* (Augustinus, 2003). Отречение от Бога сопровождается страхом и внутренней пустотой, в конечном итоге, скукой, одиночеством и отчаянием.

Кьеркегор, основоположник религиозного экзистенциализма, описывает метаморфозу скуки «во зло» (Kierkegaard, 1992). Эксцентрические игры скучающих индивидуумов направлены во зло и на уничтожение. Они пренебрегают чувствами ближних, манипулируют ими и равнодушны к их трагической гибели. Проницательный ум и глубокое познание человеческой психологии позволяют им играть людьми как марионетками в кукольном театре – занятие, которое помогает им отвлечься от одиночества, забыть свою внутреннюю пустоту. Внутренний мир демонов-лицемеров заполнен холодом, сомнениями, пустотой – это вакуум, который тщательно маскируется вежливостью, интеллектом и снисходительной весёлостью. Они лишены настоящей увлечённости, самоотверженности, преданности, т. е. всех фундаментальных реалий бытия. Им не доступны ни восторг любви, ни порывы чувства товарищеской дружбы. Их преследует завышенное чувство собственного превосходства над окружающими, которое ведёт к эгоизму и переживанию трагического факта собственного одиночества, к диалектике отчаяния и неполноты своего существования. В контексте мировой литературы это герои-демоны.

Вернемся к Робинзону. Сомнения тревожат самоуверенного и самодостаточного мореплавателя недолго. Как только опасность минует, он продолжает настойчиво следовать своему предназначению.

Традиционные социальные роли, межличностные генеалогические отношения и семейная иерархия подвергаются критическому переосмыслению. Основа инновационного мировоззрения Дефо заключается в концепции личной ответственности за свои поступки и решения, за моральную ответственность и неприкосновенность, за своё счастье. Чтобы состояться как личность, Робинзон должен независимо от отца выбрать свой путь и сам определять себя и своё формирование (экзистенциалистское направление). Ответственность не может быть возложена на высшую инстанцию, религиозную или семейную. Важно отношение человека к самому себе как к активному действующему лицу, с чувством собственного достоинства. Дефо подчёркивает неоднократно, что каждый должен следовать своей «идее», своему предназначению, причём делать он должен это усердно, настойчиво, с непоколебимым оптимизмом. Робинзон – самоактуализировавшийся человек, у которого ничего не отнято, он постоянно, непрерывно развивает свои возможности, несмотря на враждебный мир и обладает наивысшей жизненной

стойкостью, достигая большей степени целостности личности.

Не без внимания оказывается и критическое переосмысление устоявшихся социальных норм. Разрыв с теологическим традиционализмом как неотъемлемая составляющая индивидуально выбранного жизненного пути неизбежен. Способность к саморефлексии и к самоопределению, развитие способностей становятся определяющими и приоритетными аспектами развития и становления личности.

Стремление к автономии и индивидуализации, к развитию и использованию личностных талантов, способностей и возможностей нивелируется Кампе в его адаптации *Робинзон-младший. Увлекательное и полезное чтение для детей* (Campe, 1779/1780). Немецкий филантроп дезавуирует приключения в приключенческом романе, а выбор собственного пути, исходящего из индивидуального предназначения, полностью вытесняется. Старшему поколению отцов удаётся внушить молодым мысль о своём безусловном превосходстве, заразить недоверием к жизни, подорвать веру в идею развития личности вне условий родного дома и семьи, а также в прогресс. Акцент делается на послушание, на правильные мысли и правильное поведение в рамках стандартов бюргерского общества, то есть на дидактическую функцию. *Робинзон* Кампе – это сборник эссе на нравственные темы. Мотив необитаемого острова используется лишь для сведений по географии, биологии и ботанике. Раскаивающийся Робинзон возвращается и следует безукоризненно воле отца, несмотря на его преклонный возраст к моменту возвращения сына. Выбранная повествовательная стратегия эффективно предотвращает юношеские соблазны дальними странствиями, олицетворяющими идею личностной автономии.

Эпизодическая структура произведения и диалог между отцом и его слушателями (покорной женой, интеллект, которой приравнивается к инфантильному, детскому и его собственными и отданными ему на попечение детьми) служит образцом для подражания и повторения описанного в реальных семейных ситуациях – чтения в кругу семьи.

В Германии произведение Кампе пользовалась ошеломительным успехом и вытеснило одновременно опубликованный перевод И. Вецеля *Новый Робинзон Крузо или похождения главного английского морехода* (Wetzel, 1779). Вецель подвергает острой сатире педагогические дискуссии XVIII века. Его перевод считается более современным (Wild, 1986). Он написан в традиции реализма. Причем, его реализм – это не отражение реальности, а (ре)конструкция человеческой деятельности и общественного бытия. Упор делается на развитие личности и её становление не лишним членом общества, а полноценным и нужным, на полное использование талантов, способностей, возможностей человека и на приспособление к общезначимым ценностям. Автор акцентирует внимание на знании психологии, развивающей функции литературы и саморефлексии, предвзято немецкий роман воспитания.

Способность человека к самоосуществлению, к реализации индивидуального предназначения как условие самореализации личности переосмысливается Л. Стерном в девятитомном произведении *Жизнь и убеждения Тристрама Шенди, джентельмена* и в его многочисленных проповедях (Sterne, 1763). Тяга к странствиям приравнивается им к тяге к познанию и рассматривается как неотъемлемая черта развивающегося индивидуума. Более того, приобретенный жизненный опыт и обогащенное культурное,

психологическое и социальное мировоззрение необходимы для развития общества.

Динамичный процесс (годы странствий) переоценивается в годы странствий и учений и становится необходимым компонентом инкультурации и социализации индивидуума (Negel, 2016). Скука из эпидемии превращается в стимул постоянного стремления к самотрансценденции, т. е. к преимущественной ориентации человека на окружающих, на свою социальную деятельность (Maslow, 1971).

В произведении Ивана Тургенева *Отцы и дети* (первое издание, 1862) скептик и материалист Базаров борется с устарелым укладом общества XIX века. Нигилист отрицает все прекрасное: искусство, литературу, традиции и всемогущую природу. В отличие от скукающей Анны Сергеевны Одинцовой Евгений Базаров неутомимо стремится к познанию, к самотрансценденции, к развитию всех заложенных в человеке потенциальностей. Он, как Фауст Гете (Goethe, первое издание, 1831), стремится проникнуть в тайны бытия и овладеть ими, следуя философским идеям М. Штирнера, рассуждающего об этическом эгоизме (Stirner, 1845).

Самотрансцендентность Базарова объясняет его стремление к социальному равенству. Он как Робинзон, уверен, что человек, как центр вселенной, может добиться Рая на земле. Поглощенный данной идеей, он отказывается от лёгкости счастья и тривиальности человеческого бытия. Его цель - стремление ввысь. Как Робинзон, он покидает родной дом, но не в надежде на самореализацию, а на самотрансценденцию. В отличие от английского мореплавателя, Евгений возвращается глубоко разочарованным в ограниченности человеческого разума и познания, в человеческой ничтожности перед лицом всемогущей природы. Он осознает свои заблуждения и иллюзии. Его сердце разбито. Он смертельно заболевает от перенесенных душевных потрясений, хотя это маскируется в романе заражением тифом. Ему не только не удастся реализовать собственные грандиозные амбиции об улучшении мира, но и амбиции отца, возлагающего на сына большие надежды. Смерть Евгения Базарова символична: Из титана он превращается в раба, закованного цепями любви (Тургенев, 1880: 23). Упрямство позволяет ему некоторое время существовать.

Евгений Базаров повторяет генетическую программу отца, также видевшего в себе римского императора Цинцинната (Turgenev, 1880:113), образца добродетели и простоты, и находящегося в постоянной оппозиции к плебеям. Околдованный чарами Арины Власьевны, он сам превращается в спокойного жителя деревни, в плебея. В отличие от скукающей и тоскующей Анны Сергеевны Одинцовой Арина, несмотря на её сравнение с ведьмой (Turgenev, 1880: 113), не преследует желания развеяться. По-эпикурейски спокойная, холодная Анна Сергеевна со свободным и довольно решительным характером играет Базаровым и его чувствами, она манипулирует им, оковывает и превращает в раба любви. Ей очень любопытно видеть человека, который имеет смелость ни во что не верить (Turgenev, 1880: 71).

Элементы генетического детерминизма проявляются в произведении неоднократно: Евгений и Василий Базаровы ходят друг на друга внешне, чертами характера, мыслями, убеждениями и принципами. Существование Василия колеблется между полюсными позициями – господства и подчинения, амбициями и реальностью. Он не может вырваться из замкнутого круга. С Евгением умирают его надежды и мечты. Глубокое разочарование и отчаяние определяет будущее Василия.

Т. Шторм создает в своем романе *Ханс и Хайнц Кирх* (первое издание 1882) яркие контрасты как результат бинарных оппозиции: амбициозный – неамбициозный, богатый – бедный, полноценный член общества – падший человек, свободный – не свободный, самостоятельный и автономный – находящийся в зависимости.

Ханс Адам Кирх, как и Василий Базаров, крайне честолюбив. Благодаря неустанному труду и экономии, отвергая всякие недостойные сделки не только вследствие своей врожденной порядочности, а скорее из честолюбия, он сумел подняться от наемного капитана до судовладельца. В его стремлении – это не последняя ступень на карьерной лестнице. Ему хочется все выше и выше, выше и выше.

В небольшом городишке Хайлигенхафен, где разворачивается действие, в церкви, находится эпитафия предка героя, адмирала, выходца из Хайлигенхафена Морица Хартманна, родившегося в 1656 году. Потребность в самореализации Ханса Адама Кирха бесконечна. Он мечтает о больших почестях и ни одну из них не хочет и не может упустить, но возраст препятствует воплощению столь далеко идущих целей для него самого. А вот более успешное продолжение собственного Я, наследник честолюбивых планов, сын, ещё даже не зачатый, может добиться такой славы и признательности. Он смог бы повторить блестящую карьеру Морица, награждённого орденом высшего военного ранга, принятого в рыцари и разбогатевшего.

Ханс Адам Кирх, несмотря на граничащую со скупостью и скарედностью расчетливость, создаёт все необходимые условия для сына, прокладывает ему путь наверх. Сын, точная копия отца, унаследовал зоркие глаза и темно-каштановые кудри, но вместо сутулой спины отца у мальчика стройная фигура матери. Хайнц равняется на отца во всем и втайне решает помогать ему изо всех сил, быть настоящим моряком, капитаном и судовладельцем, как его отец (Storm, 1987-1988: 61). Ханс обеспечивает его школьным и профессиональным образованием, договаривается о сдаче экзаменов для присвоения квалификации штурмана и активно способствует, таким образом, карьере капитана дальнего плавания и адмирала. Таким образом, высокое военное звание гарантировало бы сыну Хайнцу место в церкви наверху, в галерее, на хорах, среди почётных и знатных жителей городка Хайлигенхафен. Слава о нем и о его отце разнеслась бы по всему миру.

Сирота Гасельфриц – ординарное, второстепенное действующее лицо повествования, ровесник и друг Хайнца – оттеняет комфортабельное, даже роскошное положение сына, прозорливого и стремящегося к славе Ханса. С точки зрения исторической перспективы социальный рост без поддержки семьи был в северных федеральных землях Германии невозможен. Нищета и голод, бродяжничество, изнурительная работа, наемный труд и даже рабство или преступный мир были единственной возможной формой существования без отцовской поддержки. Ханс панически боится бедности (Storm, 1987-1988: 75). Этот страх парализует его. Побочным эффектом этого чувства, вполне оправданного с исторической точки зрения, являются безудержная ярость, зависть и агрессия. Они переключаются с враждебным молчанием, вплоть до голого расчета, и сводится в конечном итоге к психической деградации отца. Ханс решительно действует, преступая законы этики и морали. Мориц Хартманн был сыном учителя. Ханс выбирает в жены, вопреки всем ожиданиям, девушку из семьи бедного учителя, без любви, а руководствуясь одним лишь генетическим расчётом,

что капля учительской крови поспособствует рождению адмирала военного флота. Жена целиком подчиняется его воле и притом, из страха перед мужем, известным своим вспыльчивым нравом, отказывает себе во всем.

Ханс бесцеремонно и пренебрежительно жертвует счастьем несчастной и ничего не подозревающей девушки, будущей матери Хайнца, которая ни разу не называется по имени, что является показателем душевного холода по отношению к ней со стороны расчётливого и амбициозного господина Кирха. Она предчувствует семейный конфликт и вытекающую из него катастрофу. Слепленный честолюбием глава семьи игнорирует предостережения заботливой жены и матери. В итоге она умирает от чуждости мужа, от тоски по сыну, так и не увидев его после того, как он покинул родительский дом.

Амбиции Ханса Кирха не позволяют ему увидеть и понять горе своей жены и матери маленького любимца. Он не может выразить свои чувства ни к ней, ни к Хайнцу, ради которого он также жертвует и своим личным счастьем. Нравственный и моральный упадок взрослого сына поражают его жизненный нерв и ведут к покорности судьбе и отчаянию. Во сне он видит утопленника, объединяющего в себе черты обоих, отца и сына. Черты отца – это опущенная голова и сгорбленная от тяжелой работы спина (Storm, 1987-1988: 106, 109, 123). Черты сына – это корабль, на котором он мальчишкой отправился в своё первое плавание (Storm, 1987-1988: 123).

Как и у Тургенева, в произведении Шторма элементом генетического детерминизма является внешнее сходство. Помимо этого, эта теория подкрепляется восторгом юного Хайнца продолжить дело отца, стать кораблестроителем. Композиционно согласие подчёркивается прекрасной погодой – безоблачным небом и морским штилем (Storm, 1987-1988: 61). Желание и планы отца полностью совпадают с желанием и стремлением сына и служат индикатором идиллической гармонии. Хайнц карабкается на бушприт и разрушает тем самым диаду «отец-дитя», он удаляется от отца. Свобода пленит его. Стремление к самоактуализации и потребность в самореализации бесконечны и у него. Он не откликается на крик озабоченного и перепуганного, побледневшего, как смерть, отца (Storm, 1987-1988: 62). Сознательно он принимает решение следовать своему предназначению. Дружелюбно и приветливо, но отстраненно Хайнц кивает на зов родителя, его принятое решение остается непоколебимо. Упрямство помогает ему противостоять отцу и впоследствии он пренебрегает всеми попытками Ханса Адама вернуть его на предназначенный, лёгкий и праведный путь. Хайнцу не удастся преодолеть свою социальную и психологическую незрелость и инфантильность суждений и действий. Он до конца не осознаёт адекватно свое место в обществе и не понимает его требований.

В состоянии аффекта, после испытанного страха, Ханс жестоко избивает юнгу, нового друга Хайнца, который не досмотрел за играющим мальчуганом, «певчей птичкой» (Storm, 1987-1988: 61), и увеличивает тем самым пропасть между ним и ещё чувствительным шестилетним сыном. Жесткость и грубость отца подкрепляют стремление сына к индивидуализации, к непохожести, к сознательной организации своей собственной жизни, а, следовательно, и к определению в той или иной мере пути своего собственного развития. Между отцом и сыном разверзается пропасть. Сын противится следовать предначертанному ему отцом пути. Ханс господствует

над социальными и личностными инстинктами сына, старается подавить его волю, а вместе с ней и жизненную энергию. Хайнц противится и враждебно выражает протест против генетического и социального детерминизма. Сын борется за право на самоопределение и «спасается» бегством из дома. Одним из существенных моментов его «самореализации» будет отсутствие нравственности, пренебрежение общечеловеческими ценностями, генетически закодированными в природе человека. Он становится пиратом, работорговцем и убийцей.

Серьёзно заболевая, он обращается, как блудный и падший сын, за помощью к отцу. Но представитель старшего поколения не в состоянии помочь. Глубоко разочарованный, опасющийся за репутацию семьи, за будущее незамужней дочери, боясь социального и экономического упадка, он отрекается от сына (Storm, 1987-1988: 75).

Удаление из дома и от мореплавания, казалось бы, обуславливают моральный упадок, но такой вывод поспешен и поверхностен. По предназначению ему отцом пути Хайнц также должен был покинуть родительский дом, но не как простой моряк, а как штурман, а затем и как капитан дальнего плавания. В отличие от героев воспитательного романа Хайнц не развивается. Он не становится членом общества и не стремится к этому. Годы странствий остаются потерянными временами, а не периодом учения. Он деградирует интеллектуально и нравственно. Его свободолюбие, его тяга к независимости не обуславливают счастливое существование. Ему не удастся ни самореализация, ни самоотрастание, ни автономия, он сам становится рабом ситуации экономической, культурной и социальной. За ним тянется шлейф морального упадка. Ему обеспечено существование бестии в преступной среде. Старый Ханс видит выход из этой трясины лишь в упорном, изнурительном, но честном труде. Сын пренебрегает этическими нормами. Он действует наперекор тем, кто его любит, но не может выразить свои чувства по отношению к нему. Его упрямство ведёт всех их к гибели – отца, мать и малютку Виба. Его упадок это и упадок отца (Storm, 1987-1988: 124). Надежда на встречу гаснет с каждым днём, тем не менее, старик ждёт возвращения падшего сына. Все его страхи надежды и мечты – все это теряет смысл, как и у Василия Базарова. Возможность встречи и примирения отца и сына в этом мире невозможна (Storm, 1987-1988: 124).

Другой сын – *Зелёный Генрих* – считается в литературе также «блудным» (Keller, первое издание, 1855). Парадоксально то обстоятельство, что юноша, прозванный «Зелёным Генрихом», не хочет быть блудным, не хочет покинуть родной дом и любимую мать. Он стремится воплотить в реальность те амбиции и планы, которые преследовал его так скоропостижно погибший отец, пользовавшийся хорошей репутацией среди жителей маленького провинциального гнезда.

Келлер описывает в своем романе жизненный путь юноши с искажённым представлением о собственной личности и наличием исключительно завышенных требований к себе самому. Поэтому Генрих Лее обречён на несчастье. Он не способен обустроить свою жизнь и реализовать себя. Перед ним карьера художника, но у него нет ни таланта, ни мастерства – это обстоятельство заставляет его заниматься копированием оригиналов. Мало помогает улучшить данную ситуацию обучение в Мюнхене. Испытав себя в театре и в других различных сферах деятельности, растратив

всё своё состояние и финансовые средства матери, он возвращается как блудный сын в родные края. В первом написанном варианте он возвращается к её похоронам (Keller, 1855). Его разочарование несложившейся карьерой и чувство вины перед любящей его матерью ведут к трагической гибели юноши. Во второй редакции романа Генрих освобождается от чувства вины (Keller, 1879/1880). Мать умирает лишь после счастливой встречи с сыном. Смягчён религиозный и эротический контекст. Без изменения остается неудачный жизненный путь сына.

В романе прослеживается разрыв между пространством выдуманного им мира и реальной действительностью. Генриху Лее не удаётся преодолеть эту пропасть. Несмотря на все попытки, он не может возвыситься до уровня своего отца. Он не пройдет по его стопам. Генрих так и останется в ушитой для него отцовской зелёной форме.

Мастер Лее идеал для подражания: он, будучи пастухом, стремится к самотрансценденции. Пройдя путь от подмастерья до искусного каменотёса и архитектора, поработав во всех больших городах Германии, он возвращается на родину, в Швейцарию. По прибытии молодой архитектор не только много и напряжённо работает, но и принимает участие в общественной жизни. Он идеальный герой воспитательного романа, и его жизненный путь – это путь достижения поставленных целей, осуществление амбиций. Он занимается созидательной деятельностью на благо общества, он не лишний, а нужный человек. Его моральная неприкосновенность, его харизма, его чистые побуждения и неутомимая работа на пользу общества, безукоризненная репутация обеспечивают ему всеобщее признание и любовь.

Погибая от несчастного случая, он всю ответственность, все надежды возлагает на семилетнего Генриха, который не может удовлетворить этих ожиданий. Мальчик чувствует сильное давление со стороны социума. Оно пагубно влияет на развитие мечтателя, витающего в облаках, в настоящем и в будущем. Более того, социальное воздействие мешает Генриху адекватно оценить свои силы, свои таланты, свои индивидуальные черты характера. Неудачи, прошлый опыт формируются ожиданием будущего, в котором также прогнозируются неудачи и поражения. Неэффективность саморазвития в психологическом настоящем определяет будущее, такое же бессмысленное. Именно в этом и заключается трагический момент романа.

Иллюзия общества, заключающаяся в том, что Генрих – точная копия отца, ведёт к тому, что ему не удастся реализовать себя. Он остается имитатором – причём во всех сферах своей деятельности. Биография отца становится образцом для подражания, но ему не удастся воплотить её в жизнь. Зелёный Генрих – это человек, с заглушенными и подавленными способностями и талантами.

3. Заключение

В заключение следует отметить, что конфликт межличностных отношений играет важную роль в мировой литературе. Изображая борьбу, которая почти всегда идёт в семьях, объединяющих представителей разных поколений, писатели не скрывают, что она почти никогда не заканчивается мирно.

В произведениях *Робинзон Крузо* Д. Дефо, *Отцы и дети* И. Тургенева, *Ханс и Хайнц* Кирх Т. Шторма и *Зелёный Генрих* Г. Келлера представлены зеркальные мо-

дели ролевой структуры и определяемого ею семейного устройства. Во всех произведениях изображается семья, состоящая из представителей старшего поколения – отца и матери – младшего поколения, но отношения между персонажами складываются по-разному. Коллизии отцов и детей, старого и нового мира получают бурное развитие. Следование разным жизненным принципам не позволяет героям договариваться и сохранять мирное сосуществование.

Сложные отношения между отцами и детьми обусловлены любовью, хотя часто это чувство, во всех рассмотренных произведениях, не может быть выражено. Помимо этого, конфликты детерминированы стремлением устроить жизнь детей как можно лучше и удержать их в родительском доме и уберечь от морального падения. Эта беспомощность со стороны отцов выливается в агрессию, в патриархальную деспотию. В свою очередь сыновья реагируют отрицанием, грубостью, упрямством и спасаются бегством. Их стремление к самореализации и свободе ведёт к гибели как старшего поколения отцов, так и подрастающего поколения, как это происходит с *Евгением и Василием Базаровыми* у И. Тургенева и с *Хансом и Хайнцом Кирхами* у Т. Шторма. Иногда стремление к самореализации ведёт к личному счастью, как в случае с Робинзоном Крузо английского писателя Дефо. Случается, что гибнут отцы, оставляя образцовую биографию, которую должны, но не могут реализовать сыновья, погибая от испытанного разочарования и чувства собственной неполноценности и ничтожности, как Генрих Лее в произведении «Зелёный Генрих» Г. Келлера, которому вовсе не хотелось становиться блудным и потерянным сыном.

REFERENCES

- Augustinus, Aurelius (2003). *De trinitate*. Hrsg. Kreuzer Johann. Hamburg: Felix Meiner Verlag.
- Campe, Joachim, Heinrich (1981). *Robinson der Jüngere zur angenehmen und nützlichen Unterhaltung für Kinder*. Stuttgart: Reclam.
- Goethe, Johann Wolfgang (1831). *Faust*. Tbingen: J. G. Cotta.
- Defoe, Daniel (1719). *The Life and Strange, Surprising Adventurings of Robinson Crusoe, of York, Mariner: Who lived Eight and Twenty Years, all alone in an un-Inhabited Island on the Coast of AMERICA, near the Mouth of the Great River of OROONOQUE; Having been cast on Shore by Shipwreck, wherein all the Men perished but himself. WITH An Account how he was at last as strangely deliver'd by PYRATES. Written by Himself*. London: Baldwin.
- Defoe, Daniel (2001). *Robinson Crusoe*. London: Penguin.
- Hegel, Georg Wilhelm Friedrich (2016). *Vorlesungen über die Ästhetik*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- Keller, Gottfried (1855). *Der grüne Heinrich*. Braunschweig: Vieweg.
- Keller, Gottfried (1879/1880). *Der grüne Heinrich*. Stuttgart: Göschen.
- Kierkegaard, Sören (1992). *Either/Or. A Fragment of Life*. London: Penguin Classics.
- Maslow, (1971). *The Farther Reaches of Human Nature*. New York: Viking Press.
- Rehm, Walther (1947). *Experimentum medietatis*. München: Rinn.

- Sterne, Laurence (1763). *Das Leben und die Meynungen des Herrn Tristram Shandy. Erster bis sechster Teil*. Berlin: Langen.
- Stirner, Max (1845). *Der Einzige und sein Eigentum*. Leipzig: Otto Wigand.
- Storm, Theodor (1987-1988). *Sämtliche Werke in vier Bänden. Band 3*. Frankfurt a. M. Klassiker Verlag.
- Tolstoi, Leo (1938). *Anna Karenina*. München: Deutscher Bücherbund.
- Turgenev, Ivan (1880). *Väter und Söhne*. Leipzig: Otto Wigand.
- Voltaire, François-Marie Arouet (1738). *L'enfant prodigue. Comédie en Vers dissillabes, Représentée sur le Théâtre de la Comédie Française le 10 Octobre 1736*. Paris: Prault fils.
- Wetzel, Johan (1779). *Robinson Krusoe. Neu bearbeitet*. Berlin: Rütten & Loening.
- Wild, Reiner (1986). „Die aufgeklärte Kinderliteratur in der Literaturgeschichte des 18. Jahrhunderts. Zur Kontroverse um die Robinson-Bearbeitung zwischen Joachim Heinrich Campe und Johann Carl Wezel.“ In D. Grenz (Hrsg.), *Aufklärung und Kinderbuch. Studien zur Kinder- und Jugendliteratur des 18. Jahrhunderts* (S. 47-78) Pinneberg: Raecke.
- Притча о блудном сыне. Евангелие от Луки 15. 11-32.